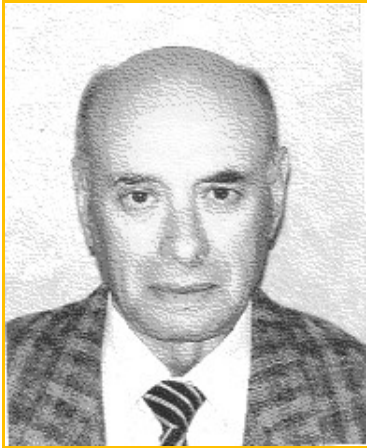

ВСПОМИНАЯ ПРОШЛОЕ, РАЗМЫШЛЯЯ О НАСТОЯЩЕМ

Владимир Дробнис – доктор технических наук, профессор, руководитель дискуссионного клуба Дома Учёных г. Хайфа в 2000-2003 годах.

Родился я очень давно, еще в прошлом веке, на Украине. Деталей своего рождения, наверное, как большинство ученых на старости лет, совершенно не помню. Но как представитель точных наук могу сообщить, что после моего рождения прошло уже 27298 дней или, если точнее, то 655152 часа, а если еще точнее, то 39309120 минут. А для тех, кто любит особую точность, дополнительно сообщаю – 2358540000 секунд.

Украину я также не могу вспомнить, но как мне кажется, по весьма уважительной причине. В виду разразившегося в те годы на Украине голода, вызванного осуществлением сталинского плана коллективизации сельского хозяйства, родители и вся их многочисленная родня (мамины сестры, братья, бабушка), спасаясь от него, переехали, как теперь говорят, на ПМЖ в Россию, на Волгу, в Сталинград или, по-новому, в Волгоград. Там я пошел в школу, там мы и жили до начала Великой Отечественной войны.

Во время войны эвакуировались в Казахстан, в Алма-Ату. Но в Алма-Ате нам долго задержаться не пришлось, отцу предложили работу в сельской местности, в Джамбульском районе, что в 60-ти километрах от Алма-Аты и мы всей семьей переехали туда. Район был назван в честь знаменитого казахского поэта-акына Джамбула Джабаева, который жил там же, в колхозе имени Джамбула. В военные годы мне приходилось его довольно часто видеть: по воскресным дням, за неимением других развлечений, его регулярно привозили на колхозный рынок на голубой Эмке, к которой выстраивалась длинная очередь сельских аксакалов, чтобы поприветствовать патриарха.

В военные годы легковой автомобиль в сельской местности, да еще голубого цвета, был большой редкостью, почти то же самое, что сегодня космический аппарат, и мы, сельские пацаны, бегали на рынок смотреть не столько Джамбула Джабаева, сколько на его автомобиль. Но я хорошо разглядел и запомнил самого Джамбула. В те годы ему было уже около 90 лет; это был сухонький старичок с выщипанной бороденкой, в овчинных штанах и с лисьим треухом на голове. На нас, мальчишек военного образца, он не производил впечатления гениального поэта, тем более, что в то время слухов о его сочинительстве и особенно о роли в этом деле его переводчика, русского поэта Кузнецова, в народе ходило очень много.

От жизни в деревне у меня остались самые теплые воспоминания. Во-первых, проживание в сельской местности давало нам возможность взращивать большой огород и позволяло успешно преодолевать материальные трудности военного лихолетья. Но главное, я благодарен судьбе за то, что жизнь в деревне приобщила меня к реальной жизни, позволила познать все премудрости сельского труда. Я научился запрягать и седлать лошадей, ухаживать за ними и за другими домашними животными, ездить верхом, пахать землю, косить сено и еще многому другому. В детские годы я не мог предвидеть свою будущую профессию и дело, которым мне придется заниматься через 30-40 лет, но я уже тогда в полной мере ощутил на себе великую роль трудового воспитания.

По окончании войны родители были озабочены необходимостью дать детям городское образование. Вскоре мы, уже в 1945 году, возвратились из села в Алма-Ату. Столица Казахстана в те

годы, благодаря эвакуации из европейской части Советского Союза на Восток многих научных, учебных и культурных учреждений, стала важным центром на Юге Азиатской части страны. Достаточно сказать, что в Алма-Ате была создана Академия наук Казахской ССР с разветвленной сетью научно-исследовательских институтов, существовало свыше 10 ВУЗов и около 5 театров, в том числе оперный и театр для детей и юношества, которым руководила ныне легендарная Наталья Ильинична Сац. Конечно, мы, подростки, ничего тогда не знали о ее трагической судьбе и вообще не задумывались, почему она вдруг оказалась в Алма-Ате и руководит республиканским ТЮЗ'ом.

Много позже были преданы огласке подробности ее жизни об аресте и пребывании в Караганде (в КАРлаге). В частности, многое я узнал, прочитав ее талантливые книги. Тогда же все это нам было не известно. Она поражала нас, ребяташек послевоенной поры, своей неистощимой энергией, выдумкой, знаниями и эрудицией. Их она демонстрировала на каждом шагу, как постановками спектаклей в ТЮЗ'е и в оперном, так и на многочисленных тематических музыкально-образовательных вечерах. Она постоянно устраивала такие вечера для детей и юношества города, сама вела их, иллюстрируя свои рассказы музыкальными произведениями, к исполнению которых привлекала лучших певцов и музыкантов. Благодаря именно ей, я впервые узнал о творчестве таких композиторов как Григ, Бизе, Римский-Корсаков, Мусоргский, Даргомыжский, Балакирев и других. Вечера неизменно заканчивались викторинами и танцами. Вспоминая, в общем-то, нелегкий период жизни нашего послевоенного детства, невольно сравниваешь эти вечера с модными ныне дискотеками и делаешь вывод о неоспоримых воспитательных и, особенно, развивающих преимуществах первых.

Учился в школе, да и потом в институте, всегда легко. Не был круглым отличником, как сейчас понимаю, потому, что не любил зубрить и надеялся на свою память и сообразительность. Поэтому мне лучше давались точные науки, а предметы, где требовалась усидчивость, многократное повторение, например языки мне давались труднее. Кроме того, отвлекали от основных занятий художественная самодеятельность и спорт, которым отдавал предпочтение. Тем не менее, после окончания школы в моем аттестате зрелости красовались преимущественно пятерки.

Выбор института для получения высшего образования проходил под решающим влиянием родителей. В послевоенные годы особого достатка в семьях не было и мама, в конце концов, сказала: «Иди, сынок, в Горный: там самая большая стипендия, да и после его окончания неплохо получают!». Поскольку мне было все равно, то я внял мнению мамы и поступил на металлургический факультет Казахского Горно-металлургического института. Со временем выяснилось, что специальность мне предстояло получить широчайшего диапазона: инженер-металлург по цветным, редким и благородным металлам, почти вся таблица Д.И. Менделеева.

Мама оказалась права, стипендия действительно была довольно высокой, в зависимости от курса она составляла от 420 до 480 рублей в месяц, а если удавалось сдать сессию на одни пятерки, то поднималась до 600 рублей. По тем временам это были довольно приличные деньги, если вспомнить, что оклад уборщицы был 400-500 рублей. Поэтому в день получения стипендии студенты позволяли себе небольшие расслабления: например, посидеть в ресторане за графином пива и порцией шашлыков. Иногда шашлыки заменялись национальными блюдами под названием манты, бешбармак, дунганская лапша или лагман.

Кроме основного занятия - учебы в институте у меня было два увлечения: участие в художественной самодеятельности и в научной работе.

Я был активным участником драматического коллектива. Помню, мы ставили пьесу К.Симонова «Чужая тень», где я играл роль какого-то советского профессора, передавшего американцам секрет нового лекарства. Но мне больше нравилось читать со сцены различные стихи, монологи, отрывки. Особенно мне удавались «Стихи о советском паспорте» В. Маяковского, монолог Арбенина из драмы М.Лермонтова «Маскарад», монолог Бориса Годунова из одноименной поэмы А. Пушкина, отрывок из его же поэмы «Медный всадник» и другие. В молодые годы я был обладателем довольно сочного драматического баритона, а поскольку зубы во рту тогда были еще все свои, то и дикция соответствовала голосу. По этой причине мне поручали вести концертные программы в институте, а также сводные концерты художественной самодеятельности ВУЗов на городских и республиканских олимпиадах. За выступление на студенческих олимпиадах и конкурсах меня неоднократно отмечали многочисленными грамотами, призами и подарками, которых ко дню отъезда в Израиль скопилось достаточно много. С собой я их брать не стал, а куда определил, скажу позже.

На старших курсах я увлекся научной работой. Этому способствовала сама постановка учебного процесса. Дело в том, что учебный план подготовки специалистов предусматривал проведение студентами каких-либо исследований. Помню, мы, четверо студентов, по заданию руководителя сконструировали и изготовили прибор, работающий на электронных лампах по принципу моста Уинстона, для определения электропроводности расплавов солей в зависимости от температуры, затем провели реальные измерения и построили эту зависимость на графике. Позднее, во время практики на Новокузнецком алюминиевом заводе участвовал в «Исследовании тепловых и электрических балансов промышленных алюминиевых электролизеров». За эту работу нас наградили грамотами Министерства Высшего образования СССР. Как сейчас помню, что грамота была подписана В.А. Елютиным. Для ясности замечу, что электролизер – это основной аппарат, где осуществляется процесс получения алюминия, так же как, например, доменная или мартеновская печь в процессе получения сплавов железа.

По окончании института меня направили работать на Новокузнецкий или Сталинский алюминиевый завод, т.е. туда же, где я уже проходил практику. Новокузнецк тогда назывался город Сталинск, Кемеровской области и был переименован позднее по инициативе Хрущева, когда он начал борьбу с «культом личности» Сталина. Здесь я прошел все служебные ступеньки, начиная от рабочей должности до начальника смены. Одновременно продолжил свои увлечения художественной самодеятельностью и научной работой, благо этому способствовали сложившиеся условия.

В этот период алюминиевая промышленность осваивала принципиально новый тип алюминиевых электролизеров с верхним подводом тока. На заводе был создан опытный участок, оснащенный такими электролизерами, а для работы на нем и для проведения испытаний подобрали группу наиболее опытных инженеров. Я попал в их число. Поэтому мне повезло заняться научной работой уже на заводе, которая, можно сказать, определила мой дальнейший жизненный путь. Но об этом чуть ниже. Что касается занятий художественной самодеятельностью, то они продолжали приносить свои «плоды» - грамоты и призы. До сих пор у меня хранятся шахматы, полученные мною 50 лет назад в качестве приза за чтение стихов на смотре художественной самодеятельности в Новокузнецке и которые я привез с собой в Израиль.

Испытания новых электролизеров проходили успешно, алюминиевая промышленность уже строила новые заводы, оборудованные электролизерами с верхним подводом тока, и первым таким заводом стал Волгоградский (тогда еще Сталинградский) завод, построенный на базе Волжской ГЭС.

Дело в том, что получение алюминия – весьма энергоемкое производство. Для получения тонны алюминия необходимо затратить 18000-20000кВтч электроэнергии. Поэтому все алюминиевые заводы строятся там, где есть большое количество дешевой энергии, например, гидравлической. Именно поэтому на всех, вновь вводимых, гидроэлектростанциях (Красноярской, Иркутской, Братской) были одновременно построены алюминиевые заводы.

Учитывая мой опыт работы на новых электролизерах, а также мое желание вернуться в город моего детства, по решению Министерства Цветной металлургии, я был переведен на пуск Сталинградского алюминиевого завода. Таким образом, круг замкнулся – я снова оказался в Сталинграде.

В Сталинграде, на заводе, через некоторое время после его пуска, был создан экспериментальный цех, на базе которого совместно с отраслевым Всесоюзным алюминиево–магниевым институтом (ВАМИ) проводились различные исследования для всей алюминиевой промышленности. Мне снова повезло, меня перевели работать в этот цех и я опять стал заниматься любимым делом. Одновременно с проведением различных исследований публиковал в печати научные статьи, сборники научных работ, оформлял авторские свидетельства на изобретения. В это же время издал в московском издательстве «Металлургия» книгу «Технология и обслуживание анода алюминиевого электролизера с верхним токоподводом».

Мною было опубликовано уже около 30 работ, когда я понял, что они могут стать основой для кандидатской диссертации. Тем более, что те научные сотрудники ВАМИ, с которыми мы вместе работали, уже давно защитились. Поэтому, я кое-что доделал и, взяв очередной отпуск, засел за оформление диссертации. Моя защита в Ученом Совете ВАМИ прошла успешно и я стал первым кандидатом технических наук, из работающих на заводе. Надо сказать, что это стало событием в заводской жизни, меня даже сфотографировали для областного краеведческого музея и завели на меня специальное «досье». Пишу здесь об этом потому, что уезжая на ПМЖ в Израиль, я собрал все свои многочисленные грамоты, авторские свидетельства, книги, сборники, оттиски статей и передал их для пополнения моего досье в тот музей. Не везти же все это в Израиль!

Следует отметить, что с первых дней моей самостоятельной работы на заводах, я всегда тяготел к преподавательской деятельности: либо проводил занятия с рабочими на курсах техминимума, либо читал лекции для инженерно-технических работников, либо преподавал в школе рабочей молодежи, либо читал лекции по линии общества «Знание». После защиты диссертации, работая на заводе, преподавал по совместительству на вечернем отделении Волгоградского политехнического института. Мне очень нравилось общаться с аудиторией слушателей, со студентами, отвечать на их вопросы. Пишу здесь об этом подробно потому, что все это определило направление моей дальнейшей работы.

Проработав после защиты диссертации на заводе еще два года, я был принят по конкурсу доцентом кафедры общетехнических дисциплин Волгоградского педагогического института. Через некоторое время меня назначили заведующим этой кафедрой. Кафедра была профилирующая и предназначалась для подготовки учителей трудового обучения для школ и преподавателей технических дисциплин для системы профтехобразования. В этой связи передо мной возникла необходимость смены направления научной деятельности, потребовалось приблизить ее к профилю института.

Поэтому я стал заниматься научной проблемой: «Теоретические и методические основы трудового воспитания и профориентации учащихся и студентов». В этом направлении за 30 лет работы на кафедре мною было выполнено и опубликовано около 100 научных и методических работ, в том числе книги, учебные пособия, учебные программы, по которым занимались студенты педагогических ВУЗов всего Советского Союза. За все это мне было присвоено звание профессора, меня включили в состав Научно-методического Совета Министерства просвещения СССР, который ведал всеми вопросами подготовки учителей трудового обучения: составлением и утверждением учебных планов, учебных программ по предметам, учебных пособий и т.п.

Однако ухудшение экономического состояния России и вынужденная перестройка государства привели к финансовому дефолту и сказались, в конечном счете, на системе высшего образования. Резко ухудшилось материальное обеспечение учебного процесса, что для кафедры, имеющей в своем составе учебные мастерские, лаборатории, более 60 единиц станочного оборудования сделало проведение занятий весьма затруднительным. Попытки решить эти проблемы введением платного обучения привели лишь к многочисленным злоупотреблениям в этой сфере. Поэтому дальше работать в институте становилось не только физически невозможно, но и аморально. Учитывая, что давно достиг пенсионного возраста (пенсию я мог получать с 50-ти лет, так как много лет проработал в алюминиевой промышленности с вредными условиями труда) я принял решение выйти на пенсию и уехать в Израиль. 1-го июля 2000 года я уволился в институте, а 26-го июля 2000 года мой самолет приземлился в аэропорту Бен-Гурион.

В Израиле нашел себе применение только лишь на общественном поприще. Все попытки устроиться даже на рядовой работе потерпели фиаско. В ноябре 2000 года при Управлении абсорбции Хайфы было создано учредительное собрание Дома ученых, на котором я предложил создать общественно-политический клуб. Это предложение было принято, хотя решили несколько изменить название и именовать Дискуссионным клубом. С тех пор я его возглавил и руководил его работой на протяжении 2000–2003 г.г.